

КОЛПАКОВА НАТАЛЬЯ

Мечта о единороге

Татьяна Левченко

ФАНТАСТИКА

Каждое утро один и тот же сон. Чех под куполом на трапеции. Зал внизу — как опрокинутый колокол. По кругу скачет белоснежный конь, на голове султан из страусовых перьев. А может, не конь — единорог на арене. Униформист щелкает шамберьером, белый красавец бежит все быстрее. Надо вниз... Скорей, успеть шепнуть заветное желание. Карабин отстегнут, стальной канат жжет ладони — вниз. Туго, до медного звона, натянута центральная лонжа. Быстрее, пока единорог не исчез. Жжет нестерпимо — и лонжа вырывается из рук. «Сетку!» — кричат из кулисы. Гул толпы. Миг свободного полета. Батут в стороне, красный ковер манежа взрывается алыми брызгами. Единорога нет. Мохнатое чудовище водит рогатой головой и исчезает во мраке.

Будильник в телефоне заиграл туш. «Оп-ля!» — ответил Чех и привычным рывком сел в кровати. Поврежденная нога в ответ тихо заныла. В сонном полумраке думалось о плохом. Если в ближайшие месяцы не найти денег, операцию делать станет поздно и о номере под куполом придется забыть. Ничего другого он в жизни не хотел. Из тридцати лет — двадцать пять на манеже. Была б квартира — честно, продал бы. Но нет ни квартиры, ни пальм, ни закатов. Только эта каморка в общежитии у Нового рынка. На починке реквизита для своих, таких же нищих актеров много не соберешь. А для номера с животными опять нужны деньги...

Чех отбросил дурные мысли и, разминая ногу, подошел к окну. Несмотря на ранний час, в цирке напротив загорались окна. Вспыхнуло окно гримерной Саламандры. Черт-черт-черт! Сегодня ж отдавать долг.

Ему было четыре года, когда в трупле шапито появился Саламандра. Чех заворуженно смотрел, как факир глотает огонь, как поднимается по лестнице из острых лезвий, на лету рассекающих бумагу.

Родители работали номер с лошадьми. С белыми лошадьми. В память врезалось навсегда, как в их вагончик пришли люди в форме, с огромной овчаркой, перевернули все вверх дном и надели наручники на отца. Овчарка рвалась с поводка, но мальчик бесстрашно подошел к собаке, и та легла перед ним, доверчиво перевернувшись на спину.

Родителей все равно увели. Ревущего пацана нашел Саламандра.

— Их уже не вернуть, — жестко сказал факир, и у мальчика сразу высохли слезы. — Но мы с тобой уедем, и ты станешь лучшим дрессировщиком всех времен. Слоны, львы, тигры, медведи и пантеры — все будут слушаться тебя.

— И единорог? — Это было заветной мечтой детства.

— Конечно, — подумав, кивнул факир.

— Тогда я согласен!

Забарабанили в дверь. Факир развернул шелковую ширму с драконами и цветами, взял мальчика на руки...

— Закрой глаза и ни о чем не думай.

Что потом произошло, Чех не помнил. Много раз пытался разговорить Саламандру, но факир так и не рассказал, как удалось бежать и кто забрал родителей.

— Бандиты с оружием, просто бандиты.

Дело было в чешской Остраве, отсюда и прозвище. Чех плохо помнил город детства. Моравский диалект, смесь польского и чешского, понимал, а говорить давно разучился.

Пританцовывая, чтобы скрыть хромоту, Чех прошел коридором и толкнул дверь гримерной Саламандры. Ассистент факира по прозвищу Питон загородил проем:

— Тебе чего?

— Сотню отдать.

Питон протянул руку.

— Э, нет! Сам брал — сам отдам.

— Он в стельку. Директор сказал, что попрут из цирка, если к представлению не очухается.

— И что?

— Выпил еще...

— Растворай его. Третий день пошел. Такого не бывало.

Чех мимо Питона протиснулся в комнату. Как всегда, удивила разница между волшебником-факиром в манеже и маленьким человечком, по-детски калачиком свернувшимся на продавленном диване.

Саламандра во сне сопел и хлопотал губами. Рядом на полу валялась китайская ширма из реквизита — та самая, что запомнил с детства, — и пустые бутылки.

— Ширму помяли, а мы без нее в манеж не выходим. Конь в кулисе опрокинул да еще потоптался. Саламандра велел мне поправить, только на ней ведь живого места нет, одна труха. Вот он и запил.

— Я бы починил в счет долга. Но трогать чужой реквизит, сам знаешь, примета плохая. Если Саламандра разрешит...

Питон замылся, потом махнул рукой:

— Я сотню старику отдам — ты только почини. И вторую сверху, чтоб ни гу-гу. Идет?

— По рукам!

Ладошка у Питона была пухлая и влажная.

— Чех, ты ведь яркий, артистичный. Почему тебе не устроиться в театр? Цирк — это же только тело, а в театре человек на первом месте. И выгоды больше.

— Не хочу. Цирк честнее. В него проще верить. Настоящий балаган, а не придуманная жизнь.

Чех спустился в мастерскую и рассмотрел поврежденную ширму. Рассохшийся деревянный каркас лопнул, медные петли выскочили из гнезд. Средняя створка от удара копытом расплзлась в лохмотья. Вещи лет двести, не меньше. Фантастические птицы, похожие на птеродактилей. Резьба по красному дереву, инкрустация из цветных камней... Вдохнул — если починить да с умом продать, с лихвой хватило бы на операцию.

Он разгладил и осторожно свел неровные края шелковой ткани. Повозившись с лаком и клеем, восстановил полотно

так, что разрыв стал незаметен. А вот с креплением вышла загвоздка. Ширма складывалась домиком в обе стороны. Где же изнанка?

Шелк был необычным. Если смотреть с одной стороны, то все видно, а перевернешь — глухо. Чех поднес ширму к подвальному окну и глянул на просвет. Вдоль Торговой улицы стояли конные пролетки с высокими деревянными колесами, на облучках сидели ряженные мужики. Прохожие как под копирку — мужчины в глухих черных костюмах, женщины в шляпках и платьях до пят. Реклама нового представления? Что-то он об этом не слышал. Глянул выше и обомлел — рынок, после ремонта покрашенный светлой краской, снова оказался краснокирпичным. Странное кино... Чех отодвинул ширму, глянул в окно. Никаких телег, обычные пешеходы. Улица плотно заставлена машинами. А через ширму снова... Да! Он коснулся ткани. Картинка сдвинулась, пролетки встали по-другому. Словно встроен планшет. И рука проходит свободно, будто погружаясь в омут.

Чех замотал головой, стряхивая наваждение, как собака воду. Он все еще верил в цирковой фокус. Поставил ширму на пол и тщательно осмотрел — ничего. А раз так... зажмурился и сунул голову насквозь. Вместо ожидаемого треска материи — тишина, головой он проткнул тонкую пленку, словно свиную череву для колбасы. Раскрыл глаза. Комната такая же, но с другой мебелью. Вкусно пахло селедкой. Крупно нарезанные куски лежали в тарелке под кольцами лука, рядом ломти ржаного хлеба и хрустальный штоф с рюмкой. Раздались шаги, кто-то спускался по лестнице за дверью. Чех подался назад, вытягивая голову из пленки, стянувшейся вокруг шеи.

Ширма осталась без повреждений. Это что угодно, только не фокус.

По крайней мере, с той стороны тоже цирк. Еще раз просунул голову — никого. Тогда из ящика с инструментом выудил старый клоунский нос на резинке, повесил на шею и, как был, в «рваных» джинсах и растянутом свитере, плечом вперед шагнул сквозь ткань. Уфф! В этой комнате чуть прохладнее и темнее — не хватало лампочки под потолок. Ширму на всякий случай сложил и спрятал за массивный шкаф.

По запотевшему штофу скатилась хрустальная слеза. Чех соорудил бутерброд, налил полную рюмку, принялся, разом опрокинул и захрустел сладким луком.

Родные, но какие-то непривычные коридоры вывели из кулис к арене. Мимо пробежали незнакомые цирковые. Во всю стену висела цветная афиша:

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ НОМЕРА ГИМНАСТКИ КАТЕРИНЫ ВИЛЬЯМЪ

КАЖДЫЙ ВЕЧЕРЬ ВЪ МАНЕЖ

Чех обогнул занавес и стал сбоку артистического выхода. На подкидной доске, без страховки, гимнастка готовилась к прыжку. За ее спиной четверо униформистов держали слона. Второй слон, отбивающий, стоял напротив. Дрессировщик выкрикивал указания. Пассировщик щелкал семечки и скучал у барьера.

— Брось семечки, сборов не будет! — рявкнул дрессировщик, но тот не послушал.

Берейтор дернул тросом ногу отбивающего слона, тот обрушился на подкидную доску. Девушка-гимнастка взлетела, прокрутила назад тройное сальто и, балансируя, приземлилась на панно — плоское волосяное седло на спине слона. Она раскинула руки, приветствуя воображаемых зрителей... Вдруг слон под ней встал на задние ноги

и сбросил ее со спины. Пассировщик рассыпал семечки, но успел к месту «прихода», поймал девушку и даже сам устоял. А вот слон не успокоился и резко дернул ногой, за которую был привязан. Канат лопнул, великан пошел куролесить по манежу. Подкидную доску опрокинул, тумбу растоптал, собрал баррикаду из матов. Манеж сразу оказался очень маленьким, а слон — огромным. Второго великана к тому времени уже загнали в кулису. Униформа разбежалась, дрессировщик не рисковал приближаться к разъяренному животному и только оборонялся пикой.

Гимнастка кинулась к выходу, но взбесившийся слон успел первым. Он сорвал хоботом тяжеленный занавес — форг и, размахивая им, как тореадор мулетой, направился прямо на нее... и остановился.

Между девушкой и серой тушей стоял Чех. Наклонив голову набок, слон ждал. Чех тоже ждал, костеря себя за то, что оказался в неподходящее время в неподходящем месте. Одним движением слон может проломить голову. Но слон не сделал этого движения. Чутьем Чех понял, что надо поднять руку и погладить слона по щеке. И что за это ничего не будет. Он так и сделал. Слон успокоился, закинул за спину форг. Осмелевшая униформа окружила и увела махину в кулисы.

— Что ж вы, мать вашу, за фаберже его не привязали? — со злостью выругался Чех.

— Так то ж баба! — Дрессировщик нервно рассмеялся. — Машкой зовут. Ухажера другому цирку продали, вот и тоскует, сердешная. Ловко ты с ней! Сам кто таков, новый коверный? — Дрессировщик ткнул стеком в клоунский нос, протянул руку. — Я Лео Мари, ну или просто Леня. А поступление в труппу надо обмыть. — И умчался следом за униформой.

Гимнастка глянула на Чеха и смущенно улыбнулась.

— Какой необычный сценический костюм!

— Ага. Хотите, угадаю, кто вы? Катерина Вильям.

— Просто Катя. А вы ели лук! — И засмеялась легко, словно и не было слетевшего с катушек слона. — Вы на коверного совсем не похожи.

— Я... — Чех глянул на свой клоунский нос, потом — на порванный канат и ляпнул первое, что пришло на ум. — Я канаты продаю. С вашим директором можно поговорить?

— Что вы! В таком виде? Дайте хоть брюки зашью. И не отказывайтесь — вы мой спаситель.

— Не люблю, когда женщины манипулируют, — проворчал Чех, но с явной охотой пошел за Катей.

Пока девушка аккуратно зашивала модную дыру на джинсах, Чех узнал, что Кате двадцать лет, что она почти сирота. Мамы нет уже давно, а отец работает антрепризу и появляется редко. Рассказала даже, что дрессировщик Лео Мари уже два раза звал замуж. И сам Чех рассказал — как «подхватил насморк», то есть сорвался с трапеции. Катя сказала, что по делам нужно обращаться не к директору, а к арендатору цирка Шуману, но он будет только завтра. Время бежало быстро, и с дикой тоской Чех понял, что скоро придется возвращаться в свой цирк. И что он все отдаст, чтобы увидеть Катю снова.

Он попрощался, но уже вдогонку Катя спросила:

— А какой номер вы хотели бы работать?

Чех вспомнил сон:

— Вольтижировку на единорогах! Только их не существует, а жаль... — И, не оглядываясь, понуро направился к выходу. По черной лестнице спустился в мастерскую. Развернул ширму. Страшно? Еще как! Зажмурился — и перешагнул раму с обратной стороны... Сработало — он

снова оказался в знакомой мастерской. Теперь очень хотелось пошептаться с Питоном.

— Ты куда пропал? — Питон с завистью рассматривал испорченную ширму. — Я заходил уже — ни тебя, ни этой штуковины. Мы так не договаривались.

— Откуда ширма?

— Узнал, значит. Чего уж, расскажу. Хотя я сам в подробности не лез. Саламандре она досталась от отца, а тому — от деда. Вещь хоть и стоящая, но в будущее от нас — никак, только назад. Саламандра ищет с ней номера старых факиров, тырит, восстанавливает, потом выдает за свои. Так и живем.

— Вот как он «лестницу из сабель» Лонго повторил!

— Ага. Слышь, ты только не говори, что сам починил ширму. Ты слово дал, помнишь? Он мне поручил.

— Да помню, угомонись. Ты сам бывал в прошлом?

— Только раз, в тыща семьсот каком-то году, тогда еще и циркачей настоящих не было. Так, бродячие труппы. Я все думал, что можно подзаработать, но стремно одному. Вот если бы за ихнее золото в восемнадцатый век продавать всякую экзотику. Картошку, например, помидоры, кукурузу...

— Смешной ты, Питон. Тех людей картошку есть не заставишь. Да еще за золото. Но идея хороша. — Чех задумался. — Ведь я могу вернуться в свое прошлое и не упасть. Могу?

— Да можешь. — Питон лениво почесал щеку. — Только ничего хорошего не выйдет. Вон Саламандра сколько раз пытался прошлое переиграть, и раз за разом выходило хуже... Чех, а зачем ты джинсы зашил?

— Не твое дело. Что именно он хотел переиграть?

Питон замялся, и Чех не стал спрашивать дальше. У него уже крутилась идея.

— Если с ширмой поможешь, возьму в долю за четверть прибыли.

— Половину!

— Сказать Саламандре, как ты машину времени сторожишь?

— Ладно, согласен. Выкладывай.

— Я не картошку буду продавать, а цирковое снаряжение. За золотые царские червонцы.

Питон присвистнул, подумал и согласился.

В Интернете Чех долго искал хоть что-нибудь про Катерину Вильям. Только, кроме повторявшейся короткой заметки, ничего не нашел. И не знал, хорошо это или плохо. Он прекрасно представлял опасности цирка. Ремонтируя реквизит, научился разбираться, какие материалы лучшие. В следующий раз, когда удалось взять ширму, кое-что прихватил с собой.

Немец Шуман, арендатор цирка, свысока смотрел и на артистов, и на купцов. Цирковые относились к нему подобострастно, словно к барину. Напрямую арендатор дел не вел, только через пана Калетинского — бывшего борца, ставшего при Шумане управляющим. Но потом удивился и снизошел. Трогал корд-де-волан — канат для упражнений, долго с любопытством рассматривал универсальную лонжу и чертежи потолочных подвесок. Небрежно бросил:

— Вот что, босяк: принесешь сотню аршинов такой пеньки. Об остальном потом поговорим.

Чех едва сдержался, чтоб не ответить на «босяка».

— Спасибо много, а пара копеек — в самый раз, — заметил ехидно.

ФАНТАСТИКА

— Калетинский, выдай три червонца.

Внутри закипало, как только вспоминал «босяка». Он понял, какую роль в то время играла внешность — прическа, манеры, одежда. В джинсах больше не появлялся. Знакомый театральным костюмер, якобы для номера, подобрал пиджачную тройку по моде столетней давности и странные матерчатые туфли, в которых не советовал ходить по улице. Научил завязывать галстук — галстук! — пышным узлом и зачесывать волосы с бриолином. Чех обзавелся почти серебряным портсигаром, пузатым карманным «брегетом» на толстой цепочке, изящной тростью с набалдашником и немного потертым кожаным баулом, по виду мало отличающимся от современного. Отношение Шумана сразу изменилось, когда увидел Чеха одетым «как полагается».

Чех перенес туда прочные синтетические канаты, страховочные приспособы, лекарства для людей и животных и много чего еще. Канат пришлось обкрутить вокруг тела — ширма почему-то не пропускала отдельно. Пресловутый «закон бабочки» был нарушен многократно, золотые червонцы аккуратными столбиками росли в шкафу. Однако на самом деле он понимал, что ходит сквозь ширму только ради Кати.

Он давно подбирал слова, но сам их боялся. Как сказать, что живешь в другом времени? После череды путешествий сквозь ширму он уже и сам не понимал, что такое время. Но еще страшнее — как сказать Кате, что любит и хочет забрать с собой. В мечтах она почти всегда соглашалась. В реальности только перешли на «ты». Год, в который перемещался, Чех разузнал давно — тысяча девятьсот шестнадцатый. И это было еще одной причиной, почему он хотел забрать оттуда Катю как можно быстрее.

Однажды Катя сама спросила, где он живет. «В общаге», — чуть не ляпнул. Эх, Катя, Катя, хорошего же кавалера ты нашла.

— Очень далеко. Катя, я хочу... — Он собрался с духом: — Хочу, чтобы мы с тобой когда-нибудь там жили вместе.

— Это правда? — В глазах ее играла та же веселая отвага, что после «боя» со слоном. Не жеманство барышни позапрошлого века и не будничная простота современниц. В Катином взгляде Чеху мерещилось что-то неуловимо знакомое, родное. Будто эти глаза видел много раз. Она дотронулась до его рукава. Огоньки в глазах потухли, но не до конца. — Чех, я никого еще так сильно не ждала. Когда ты уходишь, мне страшно одной. Мне мало тебя даже теперь, когда ты рядом.

— Так ты что, согласна?

Чеху хотелось схватить ее в охапку, прижать, расцеловать... Но правила тут были другие.

Катя вполголоса сказала:

— Есть одна вещь, о которой я пока не могу рассказать. Я сама до конца ее не понимаю.

— Какая еще вещь?

— Не-а, не скажу! — И снова заиграли огоньки. — И цирк просто так не бросишь. Шуман покупает белых лошадей. Представляешь? Я его уговорила! Будет номер — колдун крадет принцессу, потом принц на белом единороге спускается прямо из-под купола и спасает ее. Ты же мечтал о единороге.

— Мечтал, — коротко ответил Чех. — Принцем, конечно, будет Лео Мари?

— Вот еще! — фыркнула Катя. — Уж принца я выберу сама. А потом Шуман хочет увезти нас на гастроли — далеко, в Канаду. Но пока это только слухи.

Чеху пора было уходить.

— Я не скоро вернусь, недели через три. Зато больше не буду хромать. Подожди...

Он торопливо обнял Катю и поцеловал. Возражений не было.

В коридоре поджидал Лео Мари.

— Слышь, босьяк, ты бы меньше шастал по чужим парадным. — Кивнул на Катину гримерку. — Узнаю, где ты живешь, доберусь!

Чех задумчиво улыбнулся и, словно насквозь, прошел мимо Лео Мари.

— Бывай, Леня!

Чех раскрыл ширму, прокручивая в голове разговор. Он так и не понял: согласилась ли Катя и если да, то на что? Он перешагнул в свое настоящее. В мастерской горел свет. Развалившись в кресле, Саламандра потягивал из горлышка коньяка.

— Вернулся, жулик! Ну что, еще не обрадовал девчонку? — Голос Саламандры гремел, Чех не успевал вставить слово. — Вот же дуреха нашла жениха! Мне не то обидно, что без спросу ширму берешь, — черт бы с ней, раз умеешь вертеться. Мне не нравится, что дочку с толку сбиваешь. Не такого голодранца-мужа ей хотел.

— Так ты Катин отец? Саламандра, сам подумай. Там скоро революция, гражданская война — и жизнь насмарку. Я почти не помню места, откуда ты вытащил меня пацаном. Но там тоже была война, и это засело во мне навсегда. Я не хочу, чтобы Катя такое пережила. Ее спасти надо.

— Не тебе о том переживать. Значит, так... — Рубанул по столу. — Ширму забираю. Питона выгоню к чертям, если вздумает мешаться под ногами. Про Катю больше не заикайся! Не то я тебе устрою веселую жизнь!

Чех разозлился:

— Ты, Саламандра, забыл цирковую примету: не считай деньги до представления! Посмотрим, чья возьмет.

— Посмотрим. — И факир унес ширму.

После операции нога еще болела, но хромать перестал. И даже отчаянье от разговора с Саламандрой постепенно притупилось. В цирк Чех вернулся, чувствуя себя победителем. Перехватил в кулисе Питона и попросил отвлечь Саламандру, чтобы добраться до ширмы. Питон от волнения хватал воздух и тряс головой. Капельки пота выступили на лбу.

— Саламандра с ширмы глаз не спускает.

— Так надо эти глаза отвести. Он пьет сейчас?

— Умеренно.

— Ну, тогда жди. Я шприцом накачаю в бутылку снотворное, а ты отдашь.

Питон скривил рот:

— Точно снотворное?

Чех подхватил грузного Питона, приподнял и легонько приложил к стене.

— Думай, что говоришь! Саламандра мне как отец.

Аптекарьша, услышав просьбу Чеха о «самом сильном снотворном», только покачала головой и долго переставляла пузырьки в белом шкафчике.

— Вот, возьмите. — Она протянула темную бутылочку без этикетки, но с длинным язычком-сигнатурой. — Это вам точно поможет.

В цирке погасли окна, в общаге затихли буйные головы. Чех отправился к Саламандре. Он рассчитывал на темноту и сонное пыхтение, но в комнате горел свет. Факира не было. Питон ехидно хмыкнул:

— Тебе вместо сонных капель слабительное продали. Так что Саламандра теперь в тубзике живет. Вот ширма — забирай и вали, пока я добрый.

В старом цирке все разговоры были о большом пассажирском лайнере, что уже три дня стоял в Карантинной гавани.

— Мы уезжаем, Чех, — грустно сказала Катя. — Сначала на гастроли, а там... там видно будет. В Петербурге мятеж, здесь тоже беспокойно. Говорят, германцы не топят корабли под канадским флагом. Может, повезет добраться. Через полтора месяца будем в Ванкувере, а дальше — кто знает. Лео Мари вчера снова сделал предложение. Знаешь, наверно, я соглашусь.

Чех слушал, не веря своим ушам.

— Но почему? Ведь я люблю тебя и вот сейчас, прямо здесь, сам делаю официальное предложение. Так у вас принято?

— Я знаю, откуда папа. — Катя невесело улыбнулась. — Пока была маленькой, мама не хотела, чтоб он забирал меня. А потом ширма двоих не потянула. Про тебя я почти сразу догадалась. Я тоже люблю тебя, но не хочу ломать жизнь. И давно не верю в единорогов.

За спиной раздался шаг. Чех оглянулся. В дверях стоял Лео Мари и разворачивал ширму.

— Черта лысого попрошу, только чтоб ты исчез отсюда. Давай, ныряй в свою ширму и забудь про Катерину навсегда!

Чех оглянулся в поисках подручного предмета, чем можно отмахнуться. Но комната была почти пустой. А противник приближался, медленно, предвкушая удовольствие от дешевой победы. Только ширма разделяла их сейчас. Воспользоваться которой — значит, больше никогда не увидеть Катю.

— Да что ж вы все накинулись на меня! — воскликнул Чех, вырвал из рук Лео Мари ширму и, как крышу кукольного домика, с силой опустил на того.

Раздался такой знакомый треск полотна. Голова дрессировщика сначала маячила над прорехой, потом деревянная рама ширмы хрустнула и развалилась. Фигура Лео Мари побледнела и растворилась в пыльном столбе света, падавшем через окно. Вскоре пропали и обломки.

Стоя на верхней палубе пассажирского корабля, Чех провожал взглядом город, который, быть может, он не увидит больше никогда. Проживает заново двадцатый век. Но не расстанется с мечтой когда-нибудь увидеть живого единорога. Он повернулся к Кате:

— Знаешь, почему нельзя слетать в будущее?

— Почему?

— Потому что его пока нет. Мы будущее делаем сами.

